

Цяо Янь вошел на трибуну, в его голосе слышались спешка и беспокойство. Он нерешительно оглядел высокопоставленных чиновников и военачальников в зале заседаний и, не обращая внимания на накаленную атмосферу, прошептал:

— Маршал, с Сэйлингом беда! Я получил экстренный сигнал с его терминала, который сработал автоматически. Он потерял сознание у себя дома!

*

На пятый день после операции Сэйлин был повторно экстренно доставлен в больницу.

Он больше не мог держаться и упал на пол ванной комнаты: весь промокший, с горящим телом. Постоянная высокая температура и отсутствие пищи привели к резкому истощению организма.

Боль в животе, вызванная жаром, привела к воспалению еще не заживших швов, а многодневное голодание лишило тело сил сопротивляться. В медицинском отчете, составленном врачами, был сделан серьезный вывод: у него появились даже признаки депрессии!

Грин не мог скрыть своего гнева, стараясь контролировать голос:

— Разве нельзя было уговорить его поесть? Вы что, решили заморить его голодом?

— Полостная пересадка сама по себе означает помещение в здоровое тело чужеродного органа, и побочные реакции вполне естественны. Но я впервые вижу, чтобы из-за этой операции человек едва не потерял жизненные показатели!

— С того момента, как он согласился на эту операцию, чтобы выносить ребенка в мужском теле, ради кого всё это было сделано?

— Раз уж вы позволили ему пойти на это, значит, Маршал — его супруг. Разве так должен поступать муж? С момента госпитализации ни разу не навестили его, не спросили, прошла ли операция успешно, не поинтересовались, больно ли ему! А как насчет лекарств? Приказали ему вводить инъекции самостоятельно?

Цяо Янь впервые видел его в таком яростном гнев. Красноречивый секретарь на мгновение лишился дара речи. Он машинально положил правую руку на запястье левой, теребя запонки, а его губы сжались в жесткую линию.

Грин слишком хорошо знал эту привычку Цяо Яня. Каждый раз, когда тот не знал, что ответить, и чувствовал себя немного ущемленным, он начинал постоянно крутить запонки.

Грин смягчился и только хотел что-то сказать, как из палаты вышла медсестра:

— Пациенту уже ввели питательный раствор.

Грин отозвался:

— Хорошо, прекратите подачу всех гормональных препаратов, постоянно контролируйте концентрацию в крови.

Когда медсестра ушла, Грин сделал шаг вперед, желая извиниться за свою несдержанность, но Цяо Янь уже выпрямился, а в его глазах появилось выражение гордости и твердости.

— Маршал потратил целый день, управляя мехом с расстояния четырехсот световых лет, чтобы вернуться как можно быстрее. Знаете ли вы, от какого права голоса он отказался? Если удача отвернется, через несколько дней ему придется снова вести союзные войска на покорение Аквамариновой звезды! В ООН происходит переворот, вы понимаете, что это значит? Вы ничего не понимаете, только и делаете, что бездумно вините его!

— Не каждый обладает правом выбирать, чего он не хочет делать!

Цяо Янь холодно смотрел на него, разглаживая пальцами последнюю складку на манжете. Даже не глядя на него, он прошел прямо в комнату ожидания перед палатой и включил свой терминал, с которым никогда не расставался. Бесчисленные строки текста мелькали перед его глазами.

Цяо Янь нахмурился, его пальцы быстро задвигались.

Грин постоял рядом, взглянул на экран и, в конце концов, предпочел молчать, слушая, как тот деловито связывается с людьми самого разного положения.

В теплой тихой палате солнечный свет проникал сквозь светло-зеленые шторы, отбрасывая причудливые блики. За окном лежал умиротворенный красивый парк, холмы покрывали трехцветные хризантемы, а роботы-садовники медленно убирали опавшие листья вдоль берега зеленого озера.

Лодиан стоял у окна, заложив руки за спину, с отрешенным выражением лица, в котором невозможно было прочесть ни единой эмоции.

Цяо Янь тихо вошел и прошептал ему несколько слов на ухо. Лодиан немного помедлил и кивнул. Перед уходом Цяо Янь не сдержался и бросил взгляд на человека, лежащего на кровати.

24. [Глава 024. Тайны больничной палаты]

Рядом с широкой больничной койкой пять-шесть тонких прозрачных трубок непрерывно подавали светлую жидкость в тело человека, накрытого парчовым одеялом.

Сэйлинг хмурился. Сильное головокружение и подкатившая желудочная колика заставили его тихо застонать. Он с трудом открыл глаза.

Где-то рядом кто-то разговаривал. Он не мог разобрать слов, но когда почувствовал, как кто-то слегка коснулся его запястья, снова забылся тяжелым сном.

— Искусственная система репродукции постоянно выделяет гормоны беременности, что влияет на его эмоциональное состояние и повседневную жизнь. Но это временно. Когда его организм привыкнет, — я имею в виду и психологическое, и физиологическое принятие, — ситуация наладится, — объяснял Грин человеку, стоявшему перед ним, глядя на статного и равнодушного мужчину, чьи губы были сжаты в жесткую линию. — Поддержка супруга может помочь ему быстрее пережить период адаптации. Роль супруга никто не сможет заменить.

Лодиан тихо хмыкнул, глядя сверху вниз на худощавого юношу. Белая простыня делала его еще бледнее, лишая всякого цвета лица. Он молча смотрел на него, и на его лице было сложное и холодное выражение, которое никто не смог бы понять.

Грин видел, что в нем нет ни капли той паники или тревоги, которую он ожидал увидеть, — он был так же спокоен, как и те люди, что ждали за дверью комнаты отдыха, спокоен почти до жестокости.

Он подумал: неужели даже если бы их супруг умер у них на глазах, эти люди остались бы холодными, как статуи? Неужели они не способны никого полюбить или, как поется в песнях, безумствовать от любви, подобно обычным людям?

Через день Сэйлинг наконец пришел в себя.

В шесть часов утра светло-оранжевый солнечный свет пробился сквозь щель в занавесках, и казалось, что свежесть воздуха можно вдохнуть даже в этой комнате.

Он поднял запястье, жидкость в тонкой трубке остановилась из-за перегиба, и в ней застыла цепочка крошечных пузырьков.

— Очнулся, — Лодиан поправил его руку, показавшись в поле зрения Сэйлинга.

Сэйлинг широко открыл глаза, полные удивления и замешательства:

— Господин... кхе-кхе... — только он открыл рот, как горло обожгло сухой острой болью. Лодиан приподнял кровать и поднес к губам Сэйлинга стакан мятной воды.

Сэйлинг поспешно сделал глоток. Его пальцы машинально вцепились в край одежды Лодиана, и он с трудом произнес:

— Господин... это правда вы?

Лодиан кивнул и направился к выходу, намереваясь найти что-нибудь из подходящего для Сэйлинга завтрака.

— Не уходите! — тревожно позвал Сэйлинг. Он попытался встать, чтобы догнать его, но забыл о своем состоянии, ноги подкосились, и он осел на пол, глаза его покраснели. — Не уходите, господин, простите меня.

Лодиан обернулся, подошел к кровати и посмотрел на Сэйлинга:

— За что ты извиняешься?

Сэйлинг покачал головой, в горле запершило, а сердце сжалось от боли. Он поспешно объяснил:

— Простите... я не специально не ел. Я принимал лекарства. Я почти никогда не болею, я не знаю...

Он не специально потерял сознание дома. Он принимал лекарства вовремя, но его желудок не принимал еду, его постоянно тошнило, голова кружилась и туманилась. Он не специально заболел, поэтому, пожалуйста, не оставляйте его, не злитесь, хорошо?

Лодиан протянул руку и коснулся лба Сэйлинга:

— Всё хорошо, это не твоя вина.

Сэйлинг шмыгнул носом, поднял голову и с мольбой посмотрел на него:

— Господин, можно я вас обниму?

Я так скучал по вам, так хотел вас увидеть.

Лодиан на мгновение замер, затем распахнул объятия, бережно заключая Сэйлинга в свои руки, и погладил его по худой спине.

Цяо Янь, услышав шорох в комнате, только свернул за угол, но, увидев обнимающихся, потер нос и, прихватив завтрак, вышел обратно, лениво прислонившись к стене и потянувшись, чтобы разогнать усталость после бессонной ночи.

Лодиан слегка отстранил Сэйлинга, наклонился и запечатлел на его лбу успокаивающий поцелуй, после чего помог ему лечь обратно и укрыл одеялом:

— Заходи.

Цяо Янь с улыбкой снова вошел и принялся расставлять завтрак. Сэйлинг, сконфуженный, сидел на кровати, поджав ноги, и тер глаза, заодно касаясь места, где его поцеловали. Ему казалось, что он проявляет слишком большую слабость.

Он чувствовал аромат еды, но нерешительно смотрел на спину Лодиана. Он боялся есть — его охватил ужас при мысли, что после насильного кормления его снова начнет выворачивать наизнанку.

Лодиан взял чашку с протертой кашей из мяса и овощей и сел на край кровати:

— Открывай рот.

Цяо Янь брезгливо скривил губы — ну и ну, совсем не умеет говорить нежности.

Сэйлинг от смущения закусил губу, не сводя глаз с Маршала, которого не видел много дней. Когда резкие черты его лица озарялись утренним светом, они казались мягче. Сэйлинг засмотрелся и машинально открыл рот, съев предложенную Лодианом ложку еды.

Цяо Янь не нашелся что сказать: неужели Маршал сейчас использовал соблазнение? А Сэйлинг и вовсе потерял голову, мог бы хотя бы попытаться покапризничать, как-то затруднить жизнь Маршалу.

Губы Лодиана в легкой улыбке приподнялись. В комнате царила уютная тишина. К тому времени, как Сэйлинг опомнился от такого обращения, большая часть каши была уже съедена.

Сэйлинг прижал руку к животу, страшно переживая. Глаза его бегали по сторонам: если его вдруг снова начнет тошнить, он обязан прижать живот и ни в коем случае не вырвать еду, которую господин дал ему лично!

Лодиан быстро съел свой завтрак, протянул Сэйлингу стакан воды с лаймом и сел рядом, выжидая полчаса. Убедившись, что его не тошнит, он поднялся:

— Я не уйду, — он отошел на другой конец палаты, сел в кресло и открыл ноутбук Цяо Яня, чтобы заняться делами.

Сэйлинг, увидев, что он отошел подальше, наконец смог расслабиться и выдохнуть. Он похлопал себя по животу, довольный собой: не опозорился перед Маршалом, всё-таки смог справиться.

Сэйлинг забился в кровать, и как только силы, поддерживавшие его бодрость, иссякли, он провалился в сон.

Его организм еще не полностью восстановился: четыре-пять дней без нормальной еды привели к анемии и сокращению желудка.

Правда в том, что при операции по реконструкции брюшной полости некоторые мужчины действительно не могут принять свое тело после завершения процедуры.

С виду всё было в порядке, но система симуляции беременности содержала гормональные препараты для коррекции. Внезапный приток женских гормонов вызывал хаос в феромонах пациента, что влияло на психику и мозг. Потребность в гормонах щитовидной железы, которые регулируют возбудимость, снижалась, мозг переставал их получать и подсознательно решал, что организму больше не нужны «стимуляторы». Тут-то и начинались проблемы.

Если говорить проще:

Гормоны щитовидной железы говорят: Сэйлинг, я управляю твоим настроением и выработкой энергии из глюкозы.

Гипоталамус говорит: Ой, мне грустно, давайте мне быстрее стимуляторы!

Система искусственной матки гипнотически бубнит: Мне кажется, ты вполне счастлив, помни, ты счастлив!

Сбитые с толку гормоны щитовидной железы отвечают: О, раз ты счастлив, значит, я не буду выделяться.

Гипофиз из последних сил стимулирует выработку гормонов, крича: Ты ошибся, на самом деле тебе очень грустно, а-а-а!

Гормоны щитовидной железы возражают: Как такое возможно? Я точно знаю, что мне хорошо, не буду выделяться! Хм!

И именно так возникает депрессия.

Поскольку гормоны щитовидной железы также контролируют расщепление глюкозы для обеспечения организма энергией, в сочетании с тоской Сэйлинга по Лодиану и сильным чувством разочарования при пробуждении, это привело к классическому примеру побочных эффектов пересадки репродуктивной системы: рвоте, анорексии, депрессии и температуре.

Позже один эксперт из Института написал научный труд о развитии однополого деторождения, основанный на этом случае, и дал ему претенциозное название: «Однополое размножение: забота — лучшее лекарство».

Автор заработал кучу денег на авторских правах, но поскольку в деталях описывалась частная жизнь высокопоставленного военного из Империи, эксперту пришлось выплатить тридцать процентов прибыли в качестве компенсации. Так высокомерный военный и его супруг неожиданно получили кругленькую сумму, а заодно заработали репутацию пары, совершившей

трогательный подвиг ради науки!

Но это уже совсем другая история.

В палате врач в очередной раз осмотрел Сэйлинга:

— Температура. Просто больше уговаривайте его есть.

— Хм.

— Главное — помочь ему психологически принять себя. Господин Маршал, вы ведь знаете, что такое когнитивная поведенческая терапия, так что не буду лишним раз объяснять. Это ваш супруг, и будет ли он содействовать лечению, зависит не от моих слов.

Лодиан искоса взглянул на него, не обращая внимания на провокацию Грина. Цяо Янь вошел с водой:

— Наивно.

Грин стиснул зубы и вышел, напоследок бросив на них обиженный взгляд.

Цяо Янь закрыл дверь палаты и проверил комнату на наличие жучков. Убедившись, что всё безопасно, он тихо сказал:

— Голоса разделились поровну, какое счастье. Список голосовавших с обеих сторон я вам отправил. Нужно ли начинать расследование?

Лодиан внимательно смотрел на человека в кровати. Его пальцы остановились в сантиметре от лица Сэйлинга. Лодиан, сжав пальцы в кулак, убрал руку:

— Нет. Присылай мне отчет о всех перемещениях Шустера, усиль слежку за людьми из его окружения. Люди из ООН не так важны.

То, что на экстренном заседании кто-то мог открыто требовать отправить Лодиана на передовую, означает, что за этим стоят глубоко скрытые силы, а самые опасные — те, что не показываются на свет.

Лодиан тихо произронил:

— Проект инкубации заморозить.

Цяо Янь нерешительно кивнул:

— Связаться с Его Величеством? Жду здесь.

— Да.

Цяо Янь проводил Лодиана взглядом и поправил Сэйлингу одеяло.

Сэйлинг отлично позавтракал и проспал целый день. Около трех часов ночи он проснулся и больше не смог заснуть.

Он лежал, свернувшись калачиком, и смотрел на другой конец просторной палаты, где горел неяркий свет: Лодиан и Цяо Янь сидели рядом и тихо о чем-то спорили.

Лодиан подпер голову рукой, слушая доклад Цяо Яня, который с трудом подавлял зевоту. Едва разговор закончился, Маршал поднялся и направился к койке.

Он протянул руку — ладонь сухая — и приложил её к голове Сэйлинга.

Сэйлинг обхватил ладонь Лодиана обеими руками:

— Господин, как давно вы спали?

Цяо Янь зевнул:

— Я два дня, Маршал три.

С тех пор как он вернулся с экстренного заседания, он почти не отдыхал, постоянно следя за состоянием Сэйлинга и разгребая кучу дел, накопившихся в его отсутствие.

Однако Сэйлинг этого не знал. Услышав слова Цяо Яня, он почувствовал жалость и начал корить себя: если бы не его несчастный случай, он бы не сорвал рабочий график господина.

Сэйлинг закусил губу, выглядя особенно жалким. Лодиан сказал:

— Цяо Янь, иди отдохни.

— Есть, доброй ночи, господин Маршал, — Цяо Янь собрал вещи и вышел из палаты.

Сэйлинг подвинулся к краю кровати, с надеждой глядя на Лодиана.

Маршал вздохнул, снял верхнюю одежду и лег рядом.

Как только Лодиан лег, Сэйлинг поспешно натянул на него свое одеяло, снова нырнул в тепло, а потом, понимая, что сделал, заикаясь, сказал:

— На улице холодно.

— М-м, — Лодиан посмотрел на него, наклонился и поцеловал в висок. — Прости.

Прости, что не был рядом, прости за мою невнимательность, прости за твое понимание.

Сэйлинг спрятал половину лица в одеяло и крепче сжал пальцы Лодиана:

— Всё хорошо, господин. Доброй ночи.

— М-м.

Лодиан закрыл глаза. Под ними залегли тени, кожа отливала синевой, брови были нахмурены — в этот момент усталость, которую невозможно было скрыть, стала очевидной.

25. [Глава 025. Тайны больничной палаты]

Сэйлинг проспал весь день, поэтому ночью почти не спал. Он своими глазами видел, как Маршал, который обычно лежал неподвижно, во сне внезапно перевернулся, закинул длинную руку, схватил одеяло и обнял Сэйлинга вместе с ним.

Сэйлинг с трудом сдержал смех. Он не знал, покупала ли госпожа Фанлин ему в детстве кукол, раз приучила к тому, что, засыпая, он обязательно должен кого-то обнимать.

Он перевернулся, устроился поудобнее и открыл терминал.

В пять утра, когда начало светать, до больничного коридора донесся невнятный шум, смешанный с криками охраны и гулом пролетающих дронов.

Один крошечный беспилотник врезался в косяк двери, издал электрический треск и свалился на пол.

Лицо Сэйлинга помрачнело. Его пальцы дрожали, когда он пролистывал заголовки терминала. Всю ночь он читал их, слушая доносящийся снаружи шум, в котором теперь отчетливо различались слова «Маршал» и «государственный долг».

В звездном топе новостей — репортаж, выпущенный через сеть ООН, — слова репортера, обличающего Лодиана, стегали Сэйлинга по сердцу, словно плетью.

«Вопрос Маршалу Сэйнт-Лэнсу: уходя так легко и быстро, как вы смотрите в лицо народу?»

В новости говорилось, что на экстренном заседании ООН, посвященном спасению жителей Аквамариновой звезды, Маршал Империи Хэммер в решающий момент голосования покинул зал, и причиной этому стало то, что его супруга отправили в больницу!

Тот же репортер с напором писал:

«Вы ушли так просто, вы подумали о народных бунтах на Аквамариновой звезде?! Сколько людей ждали вашего приезда, а вы просто взяли и ушли ради своего «золотого сокровища»? Какое «великое благородство»!

Вы ушли, не оглядываясь, и вера солдат рухнула в мгновение ока. Вы хоть подумали о том, как многие люди теперь впали в отчаяние? Кто еще достоин называться верой в этой жизни?

Вы ушли жестоко и холодно, не видя слез на войне, выжженных могил, отчаянных воплей.

Лодиан Хэммер, ты обязан народу объяснением!»

У Сэйлинга покраснели глаза, его охватила паника. Он повернулся, намереваясь выдернуть трубку капельницы. Как только его рука коснулась пластыря, ее тут же перехватили.

Сэйлинг хриплым, взволнованным голосом показал Лодиану сообщение на терминале:

— Господин, всё плохо! Скорее идите и объяснитесь перед репортерами, это неправда, это всё моя вина, вы здесь ни при чем!

Сэйлинг, проснувшись и увидев Лодиана, наивно думал, что тот просто закончил работу и вернулся, но не подозревал, что Маршал бросил такое важное дело! Как люди могут сомневаться в нем? Как могут подозревать его? Это же Лодиан! Он — человек, который ведет войска против инопланетных захватчиков! Он — вера людей!

Другие не знают, но Сэйлинг видел, сколько ночей Лодиан не спал, сколько раз он работал, преодолевая боль в желудке от голода!

Почему они сомневаются? Почему обвиняют его?!

Это всё его вина, господин вернулся только из-за него. Он сам может пойти и объяснить. Сэйлинг, переполненный слезами, молил: «Пожалуйста, не сомневайтесь в нем...»

Лодиан обхватил плечи Сэйлинга и нежно заключил его в объятия:

— Тише, всё хорошо.

— Как может быть хорошо?! Всё совсем не хорошо! Господин, пойдите объяснитесь, пожалуйста! Это не ваша вина!

Сэйлинг дрожал от возмущения: как может быть всё нормально? Лодиан всегда говорит, что всё нормально, но Сэйлинг никогда не видел таких заголовков про Маршала, даже если это были обычные слухи — они никогда не попадали в топ. Но на этот раз репортаж выпустил репортер ООН, это неизбежно повлияет на Лодиана!

Как такой честный и стойкий человек может допустить, чтобы народ страдал на войне!

Он был в отчаянии.

<http://bllate.org/book/19846/1953789>